

Александр Вельтман

Ольга

Александр Фомич Вельтман

Ольга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=630815

*А. Ф. Вельтман. Повести и рассказы: Советская Россия;
Москва; 1979*

Аннотация

В рассказе Александра Вельтмана «Ольга» перед несчастной воспитанницей развратного помещика со всеобнажающей ясностью открывается вся уродливость бесчеловечных отношений того мира, где она обречена жить, не имея ни своего угла, ни права голоса.

Александр Вельтман

Ольга

Бедная! Кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит: у нее нет друга. В 16 лет так свойственны душе мысли, сердцу чувства и желания: они переполняют края и не смеют излиться, они кипят, как в водовороте, и не смеют шуметь посреди шума людского. Бедная! Везде для нее уединение. Благodeяние приютило ее с малолетства, обуло, одело, кормит ее, учит всему, учит быть добродушной, покорной, учит жить не по своей воле, внушает в нее скромность, вкореняет чувства благодарности. О, сколько задолжала она своим благодетелям; ее природная красота взлелеяна, ум развернут, одарен всем блеском образования, ее понятия благородны, душа готова сочувствовать любви и дружбе, но это все принадлежит не ей: она ничем не имеет права располагать, ничем не может пользоваться; в ней все под замком, и она сама, как ключница, подает то из вверенных ей богатств, что потребуют. Ее всю закупило светское великодушие. Спросите же у него, кто она: амбра или мускус? «Это грязь, – скажут, – но она напиталась нашим благовоением». Как прекрасен стан ее, который так осторожно носит роскошную одежду из боязни, чтоб не упрекнули в небре-

жении чужого добра; как хороши ее каштановые волосы, причесанные гладко, скромно; но они не распустятся локонами, чтоб не назвали это кокетством. Как томны ее черные глаза; но взоры, эти стрелы без лука, падают к собственным стопам. Как цветущи уста ее, но они как будто созданы только для ответа. Как чист, приятен звук ее голоса; но не орган ли она, который заводят по воле и на веселую и на грустную песню? А вся она – милое существо! Если б жив был Апеллес, он нарисовал бы ее посреди общего пира, облеченную в золотые ткани, но окованную не цветами, а железом. Дитя-любовь припало к ее стопам, обняло их, прилегло головкой к ножке и плачет.

Она со всеми и отстранена от всех; в толпе сверстниц она не подруга, в гостиной без голоса, повсюду без воли. Прилично ли ей участие в жизни того круга, в котором она приемыш, к которому привило ее благодеяние? У ней нет родных, но есть благодетели, для нее нет ни судьбы, ни счастья, но есть покровители; и какого счастья желать ей более? Оно уже излило на нее все дары свои: бесприютная сирота принята в дом, одарена всеми потребностями жизни; чего ж желать ей? Она за одним столом с богатством и почестями, для ночлега ей отведена теплая комната, ей платья шьют иностранки, ее возят с собой в карете. Чего еще ей остается желать, если она сравне-

на по образованию и по одежде с людьми значущими в свете? Нужно ли ей желать богатства, этого всеобщего идола, если она пользуется всеми дарами его? Как она счастлива! Счастлива; только ей нельзя забываться: она бы забылась, если б решилась обнаружить свои чувства, ум и желания; она бы забылась, ей бы напомнили не то, что она есть, но что была, если б она дала себе цену; ей бы напомнили о чем-то страшном: несколько слов, сказанных безжалостно о милосердии, совершившемся над ней, могут заставить увянуть цветущую ее молодость. Бедная! Кто из окружающих тебя понял тебя? Кто из свидетелей твоего молчания, среди общего шума, был свидетелем твоих чувств? Кто был глух к ликованию беспечных и прислушивался к внутреннему голосу твоей души?

Есть ли о чем ей грустить: ей говорят, что она всем снабжена, всем одарена. Ее не учили грустить, но где же научилась она грусти? Может быть, с пятнадцати лет сама природа нашептала ей про иное счастье? может быть, сравнила она свою участь с участью подобных себе, равных ей по красоте тела и души? может быть, она поняла, взвесила себя? Но грусть ее была так тиха, так молчалива и таинственна для всего окружающего. Заботятся ли люди понять душевные нужды? или думают они, что только тело требует пищи и приюта, а у души нет жажды, а сердцу не нуж-

но постороннего пламени? Тиха была ее грусть, мирна была жизнь ее; она, кажется, приучила душу свою ко всем недостаткам, привыкла жить по чужой воле, по чужому вкусу, по чужим желаниям, применилась ко всему. Но вдруг однажды, едва румяное утро прояснило природу, вбежала она в избу садового сторожа, бледная, испуганная, в слезах; волосы ее в первый раз распустились в беспорядке по плечам.

– Ольга Владимировна! – вскричал старик Андрейн, увидев ее как неожиданную гостью.

– Андрейн, Андрейн! – проговорила она.

– Барышня, что с тобою?.., чего ты испугалась?..

– Скрой меня до ночи...

Она не могла продолжать и, как изнеможенная, в беспамятстве, припала на колени перед стариком.

– Боже, царю небесный! Что с тобой сделалось, барышня!.. Ох, да встань же... Да чему случиться?.. ты, верно, нездорова, барышня? постой, я кликну...

– Нет! – вскричала Ольга, схватив его за полу. – Я здесь останусь до ночи, ночью уйду отсюда, куда глаза глядят!..

– Ольга Владимировна, – продолжал испуганный Андрейн, – послушай старика... не огорчайся... Если барин или барыня рассердились на тебя, то простят... Они же тебя любят как родную... ей-ей любят! пойдем, Ольга Владимировна, я сам готов упасть за те-

бя в ноги господам, чтоб умилосердились, весь дом станет молить за тебя... Да встань же, Ольга Владимировна!..

И старик повалился в ноги перед стоящей на коленях Ольгой.

– Обещай исполнить мою просьбу...

– Да встань же!.. Ну, Божья святая воля! Что хочешь, только встань!..

– Скрой меня! – повторила Ольга.

– Ольга Владимировна, ты, верно, сроду не видала над собой грозы...

У старика капнули крупные слезы из глаз; он не знал, что подумать о бедной Ольге, он никогда не видывал таких слез.

«Верно, барыня рассердилась на нее, приказала оставить дом... – думал он. – Да за что ж на нее сердиться? Господи! Если уж на нее сердиться! Да нет, барыня... нет, она не то, чтобы добра, да не сделает этого... разве барин вспылил... он зол... Оба любили ее как родную дочь... То-то, не свое, верно, детище! и жалости нет! Вон, да и только!..»

В избе Андреяна, которая находилась в глубине сада, была только лавка да койка, на припечке горшочек, на столе сукрой хлеба, обвернутый в чистое полотенце, в переднем углу висел медный складен... Под ним села Ольга, закрыв руками лицо...

Бедная! кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит, плачет без жалоб, у ней нет друга. Зачем она здесь? Отчего покровители ей только Бог да старый Андреян? Надолго ли приютило ее великодушие под свой роскошный кров? обеспечило оно ее судьбу, чтоб одно мгновение лишило ее этого временного мирного сна посреди мнимого довольствия жизнью? Кто знает причины, по которым с ужасом взглянула она в последний раз на сень своего младенчества? Все оставила она в нем, что ей не принадлежало, вынесла только душу и тело, но и то прикрыто чужой одеждой, за которую могут упрекнуть ее... И еще она унесла с собою образование, чужое образование, и память о прошлой жизни, унесла с собой привычки, не свойственные хижине, в которой она ищет теперь убежища.

Вдали послышались голоса.

Ольга очнулась с испугом, прислушалась...

– Идут, идут!.. – вскричала она. – Андреян... скажи, что меня здесь нет... скажи это...

И Ольга сложила руки на груди, встала перед ним с безмолвной, пламенной молитвой.

– Ольга Владимировна! – раздался женский голос близ самой хижины.

Старик испугался, вышел навстречу.

– Не видал ли, Андреян, Ольги Владимировны? Ба-

рыня спрашивает, а ее нет... Бог знает, где она!..

– Нет, не видал... не видал, – отвечал старик, стараясь произнести эти слова твердым голосом.

Заботливая беготня людей по саду для отыскания Ольги становилась более и более слышна... Андреян стоял подле дверей своей хижины, как окаменелый.

Несколько человек пробежало мимо его, повторяя вопрос: не видал ли ты барышни?

– Не видал, – отвечал он, – не видал!..

Сердце старика сильно билось: никогда не произносил он несправедного слова, никогда не знал такой боязни. Но вот послышался голос самого барина. Старик, схватив метелку, начал мести около хижины. Несколько минут стоял он, не двигаясь с места и не смея поднять глаза; но наконец вокруг него все утихло, он осмотрелся, перекрестился, и глубокий вздох облегчил его душу.

Он вошел в хижину, осмотрел все углы... никого нет.

– Ольга Владимировна! – прошептал старик. Никто не отвечает.

Вышел в сени, осмотрел все углы, снова повторил: Ольга Владимировна! Нет ответа.

– Царю небесный, где же барышня!.. Верно, ушла она... ушла! Умири, Господи, гневное сердце!.. помилуй ее!

Успокоясь, старик разложил огонь, стал готовить

себе скудный обед... Пообедал, лег соснуть; после отдыха принялся за работу – чинить свою обувь. Между тем день потух. В единообразной жизни старик не жаловался ни на долготу, ни на краткость дня. Когда потемнело, он снова принялся раскладывать огонь. Вдруг дверь скрипнула, приотворилась тихо; он вздрогнул и в первый раз перекрестился от страха: что-то белое мелькнуло сквозь приотворенную дверь, блеснули чьи-то глаза.

Дверь отворилась более; это была Ольга, но она боялась войти, чтоб окно, освещенное огнем очага, не изменило ей.

– Андреян! – произнесла она тихо.

– Ольга Владимировна! Где ты была?

– Андреян, – повторила Ольга, – благодарю тебя за приют... Но еще просьба моя к тебе: отвори мне калитку сада...

– Куда ты пойдешь?.. Помилуй меня старика, выслушай праведное слово, воротись домой!..

– Ты обещал исполнить мою просьбу...

– Нет, не пущу!

– Ты погубишь меня! – продолжала жалобным голосом Ольга.

– Не пущу, не пущу одну!.. Бог накажет тех, кто обидел тебя. Ты теперь сирота, да и я старик-горе; уж если нет тебе приюта в этом доме, пойду и я с тобой,

Бог помилует нас; а одну не пущу!

– Нет, не хочу этого! У тебя есть своя кровля, ты здесь на родине...

– Где она, моя кровля, когда только и видится во сне, что не в добрый час скажут: чтоб твоя нога не была здесь!.. Пойду; не хочу дожидаться, покуда сгоят с пригретого места... Чтоб тебя пустил я одну! Да у меня хлеба душа не примет... Ты идешь – пойдём вместе. Бог с ними! На свете не без добрых людей.

– Что мне делать?.. – проговорила Ольга. – Ты мой покровитель...

Бедная девушка припала к груди старика и окропила ее слезами.

Андреян также прослезился.

– Барышня, – сказал он, проникнутый неведомым для него чувством, – я еще до сих пор не знал, как сладко иметь детей! В жизни не слышал такого ласкового слова, какое ты сказала мне!..

Слова его прервались от рыдания.

– Да как же ты пойдешь, барышня, в этом платье? Люди признают тебя...

– И эта одежда не моя...

– Знаешь что? пойду я, возьму у кумы свиту, скажу, что племянница пришла... Она ни слова не скажет... Обожди же меня, барышня.

И старик, схватив шапку, побежал. Ольга присела

в углу: горящий в печке огонек слабо освещал скудную избу. Душа Ольги наполнена не воспоминанием, не сравнением прошлой жизни с настоящей участью; ни о чем не жалеет, а желает только одного: скорее удалиться, бежать от счастья, которым наделяли ее люди. Грудь ее стеснена не боязнию о будущей судьбе своей, но страхом, чтоб ее не воротили к подножию милостей, требующих страшной платы: бесчувствия к самому себе.

Андреян скоро воротился, принес наряд Ольге: белую новую свиту, шитую в узор снурками, принес повязку и покрывало.

– Оденься скорее, Ольга Владимировна; покуда не взошла луна, уйдем отсюда, чтоб не встретить кого...

И он помог Ольге надеть свиту сверх платья. Ольга повязалась, надела сафьяновые черевички, накинула покрывало; а между тем Андреян собрал в котомку все свое богатство, запасся хлебом, перекинул тулуп через плечо, взял костыль... готов – и Ольга готова.

– Присядем же, барышня, на дорогу. Благослови, Боже, сирот бесприютных, «живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного...» – И старик прочел весь псалом, перекрестился, припал к земле... а Ольга, в крестьянской одежде, как дочь, последуя примеру отца, также молилась, также припала к земле.

Кончив теплую молитву, Андреян, сняв образ, поце-

ловал его, дал поцеловать Ольге и повесил на шею.

С трепетом вышла Ольга, придерживаясь за старика, из хижины. Вдали сквозь деревья виден был свет в окнах дома. Боязливо отклонила Ольга взоры свои от этого света. По дорожке, идущей подле забора, пробрались они до калитки. Осторожно отпер ее Андреян, а Ольга торопливо выбежала в нее из-под мрачных навесов деревьев. Перед нею широкое поле; свет лунный зарит из-за дальнего леса; по равнине местами разостлался туман. Ольга не узнает знакомой ей природы, ей кажется, что перед нею стоят пространные озера.

– Куда идем мы? – спрашивает она, придерживаясь за Андреяна.

– До света нам дойти бы до лесу, а там хоть в погоню за нами.

Берега мнимых озер удаляются от Ольги. Вот она оглянулась... и сад и дом ее благодетелей видны уже как будто на острове посреди вод. Не принимая пищи в продолжение целого дня, истомленная горем и непривычкой ходить, Ольга едва переступает.

Молча идут они, как будто боясь еще говорить, чтоб кто-нибудь не узнал их по голосу и не выдал беглецов.

С востока небо стало проясняться, туманы слились в облака и заставили отдаление, как седые хребты гор. Путешественник, посетивший разнообразную

природу земного шара, проезжая тоскливо по плоской возвышенности, принял бы их за подобия Альпов, обитель фей, где рыцарство свивало некогда на неприступных скалах гнезда свои, обвивая их лозами винограда, или за священный Гималай, этот великий храм бога Шиве, усеянный молебницами, чудными пещерами и ликами божеств, иссеченных из громадных скал, или за холмы Галлии, над которыми раздавались бряцания невидимых арф, удары мечей в звонкие щиты и тихие песни Сельмы в мерцающих посреди утренних туманов хороводах дев Локлинских. Или, может быть, очарованный путешественник принял бы чудные образы облаков за Гиперборейские горы, в которых обитали некогда земные счастливицы, не знавшие ничего в жизни, кроме радостей, пиров и песен.

Но очарование исчезает с восходом солнца; утренний ветерок развеивает облачные горы; лучи дня стелются по равнине, как по поверхности моря во время затишья.

Вот уже близок лес. Старик поддерживает усталую Ольгу. Под первым навесом дерева она падает на разостланную Андреяном свиту.

– Устала, Ольга Владимировна?

Ольга не в состоянии отвечать; склонясь на руку, она, как упоенная опиумом, засыпает.

Старик присел подле нее, вздохнул, как няня над

больным ребенком, который наконец заснул после долгих страданий. Но, увидев восходящее солнце, Андреян осторожно приподнялся на ноги и стал читать про себя обычную утреннюю молитву, потом взглянул на Ольгу и стал молиться за нее.

«Как однообразно идет время!» – ропщут одаренные всем, что завидно в человеческой жизни. Перед ними блестит золото, за ними ухаживает дружба, увивается лесть, им кланяется в землю зависимость, платит десятину заемщик, молится нужда... а для них единообразно время! Сравните же прошлый день с настоящим, смотря на эту святую девушку: злобно выбросила ее судьба из высоких хором, как вещь лишнюю в обители избранных; вчера еще она дышала по милости людей ароматами гостиных, а сегодня, под кровом Божьим, дышит прохладой утра.

Но недолг был мирный ее сон. Быстро повторилась в сновидении вся прошедшая ее жизнь, и вдруг вскрикнула она, с испугом вскочила с земли, бросилась к старику, озираясь мутными взорами в глубину леса.

– Господи помилуй!

– Чего ты испугалась, Ольга Владимировна?

– Его, – произнесла она, прижавшись к старику и еще боязливее оглядываясь.

– Эх, барышня, неужели ты веришь в леших? Ведь

это просто сказки! Покушала бы ты теперь; спасибо куме, дала пирожка. Кушай, Ольга Владимировна, да не прогневайся, каков есть.

И вот Ольга полуднует, сидя на траве. Перед ней разостлано полотенце, на полотенце Андреян разложил разрезанный пирог, хлеб, в одной чистой тряпочке творог, в другой – соль.

– Кушай, Ольга Владимировна, – повторял он.

– Не зови меня так, зови меня просто Ольгой, своей дочерью...

– Не приходится, барышня. При людях дело иное: люди не знают тебя, а я знаю, что ты боярского рода...

Эти слова, как упрек, были неприятны для Ольги: и Андреяна она не могла называть отцом, и он отказывался от ее родства. К какому же состоянию принадлежит она? Где ей равные? Там не удостоивали, а здесь не смеют назвать ее дочерью.

И Ольга промолчала на слова старика.

– Благодарю тебя за хлеб, за соль, – сказала она, вздохнув.

Андреян собрал скудную трапезу, уложил в котомку, и они пустились далее по дороге, которая шла опушкой леса...

– Куда же пойдём мы? – спросил он.

– Не знаю; куда-нибудь, только дальше отсюда.

– Пойдем в город; там можно трудами добыть про-

питанье.

– Я согласна; пойдём.

Несколько дней шли они до города, останавливаясь на ночлег в деревнях.

Подходя к заставе, Андреян хватился паспорта, холодный пот обдал старика: паспорт остался у барина. Как испуганный, он вдруг остановился.

– Что с тобой, Андреян?

– Ничего, барышня, ничего... На заставе, может, нас спросят: откуда? Мы скажем, что здешние. Слышишь, барышня, здешние.

– А если нас остановят?

– Ну, Бог даст, не остановят... Бог поможет... Его небесная сила покров наш и заступник...

– Откуда? – спросил часовой у заставы.

– Здешние! – произнесли с трепетом и Ольга и Андреян в один голос.

Их пропустили. Андреян перекрестился, входя в город, однако же паспорт не выходил у него из головы. Что делать отставному солдату без вида? Везде его примут за беглеца, нигде не дадут другого приюта, кроме острога. А воротиться за паспортом уже нельзя: нельзя оставить Ольгу одну. И Андреян не говорит Ольге о горе своем, идет городом в раздумье: что делать?

«Положусь на волю Божью! – думал он. – Что по-

шлет, то и будет!»

Они зашли на постоялый двор. Андриян не смел просить особой комнаты для Ольги; заплатить было нечем.

– Хозяюшка, – сказал он тихо содержательнице заездного дома, – если б ты взяла мою дочку на свой покой? Она, бедная, не привыкла к черному народу, живала все с господами, а вот теперь пришло с отцом горе мыкать... Уж я б тебе заслужил, хозяйюшка!.. А она у меня мастерица шить и в тамбур и всяким золотом и бисером.

– Да куда ж это ты ведешь ее, бедную?

– На свою родину, хозяйюшка, не останется от отца.

– Изволь, изволь. Пойдем, голубушка, ко мне. Как звать тебя?

– Да уж, хозяйюшка, и покорми мою дочку Ольгу.

– Вестимо.

– А что, кто здесь у вас начальник в городе?

– Городничий есть, да исправник.

– А что, добрый человек городничий?

– А Бог его знает, добрый или нет; добр, как с поклоном придешь.

– Ну, а исправник?

– Вот уж это ангельская душа, на чужой кусок не зарится.

– Смотри ж, хозяйюшка, у тебя на руках моя дочка;

я пойду паспорт предъявлю.

И старик, сдав Ольгу на попечение хозяйки, расспросил, где живет исправник, и отправился к нему. Страх волновал старика. Остановившись перед храмом, он прочел молитву.

Без затруднений впустили его к исправнику. При входе в комнату холод пробежал по членам, но, взглянув на человека, от которого он желал веры словам своим, старик ободрился.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – произнес он твердым солдатским голосом.

– Что тебе, старик? – спросил исправник.

– Вашего милосердия пришел просить.

Не говоря ни слова, исправник вынул из кошелька серебряную монету и протянул руку к Андреяну.

– На, возьми и ступай с Богом.

– Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие.

– Что ж тебе?

– Милостыни не собирал, жил службой, а теперь в беду попал: потерял паспорт, ваше высокоблагородие.

– Что ж мне с тобой делать? Я тебе паспорт дать не могу.

– Поручительства вашего прошу я до присылки из полка другого паспорта... Бог милостив... Ваше высокоблагородие поверите служивому, а полиция не по-

верит, засадит в колодки до справок... В остроге ничего не выслужишь, а у меня на руках дочь, девушка-невеста, бесприютная... Жила в господском дворе, полюбилась сначала господам, ее и воспитали, как родную, научили всем рукоделиям, словно барышню вели... а потом рассерчали и давай гнать... Вот я и не утерпел, взял ее да и пошел по свету горе мыкать. На грех оброни дорогой паспорт; ходил, ходил, искал, спрашивал у людей: не нашел ли кто? Нет! да и только... Помогите, ваше высокоблагородие, хоть бы какое местечко, чтоб прокормиться... Хоть в сторожа... не из большого...

И Андреян поклонился в землю исправнику.

– Изволь, мой друг, я сделаю это для тебя; если твоя дочь честная девушка, то и ее пристрою.

– Ах, ваше высокоблагородие, если б вы знали, что это за девушка! Бог свидетель, что я еще такой благочестивой и разумной на своем веку не видал...

– Если отец так хвалит дочь свою, то должно верить. Приведи ее сюда.

– Сейчас, ваше высокоблагородие! – вскричал обрадованный старик.

И он побежал в заездный дом.

– Ольга Владимировна, сударыня, пойдем вместе к исправнику: добрейший человек! Бог послал его нам.

– К исправнику! Зачем я пойду?

– Ах, барышня! Он обещал пристроить тебя к месту. Говорил я, что на белом свете не без добрых людей: что бы мы стали делать без него? Милостыню просить не приходится и старому служивому, не только что тебе, барышня.

Слово *милостыня* отдалось в сердце Ольги; убегая от вещественного довольствия в жизни, из дома, где слово нужда было непонятно, она еще не успела подумать о том, что предстояло ей в будущем. Слово *милостыня* вдруг напомнило ей все, предстоящее девушке, у которой ничего нет, кроме жизни, жизни цветущей, но которой легко увянуть без родства и покровительства. У ней есть покровитель, он все для нее готов сделать, готов пожертвовать собою, он уже озабочен об ее счастье, он уже рекомендовал ее как дочь свою доброму человеку. Она нравится, ей предлагают место горничной – должность нетрудная: ходить за барышней, угождать ей, вести себя честно, не рыскать, не вести знакомства... И эти слова говорятся девушке образованной, которая может украшать собою круг избранных, просвещенных, и она должна это слушать, молчать, скрывать свои чувства, скрывать себя.

– Уговор лучше денег, – повторяет ей будущая ее барыня. – Прошу у меня не лепиться, быть расторопной; белоручек я не люблю! Пять рублей в месяц жалования, а хорошо поведешь себя – к празднику на

платье; случится, за хорошую услугу и свое отдам. Что ж ты, моя милая, молчишь? Хочешь или нет на этих условиях?

Андреян тут же стоял; и в нем эти слова перевернули сердце, и он почувствовал в эту минуту положение Ольги.

– Барыня, – сказал он, – уж без условий примите мою дочку; она не знает еще этих обрядов, Бог не приводил еще ей терпеть нужду...

И старик поклонился в ноги важной супруге исправника, а у Ольги покатались из глаз невольные слезы.

– Изволь, пожалуй и без условий, по службе буду и награждать. Перевези же, милая, свой скарб: ты мне понравилась.

– Все, сударыня, что есть богатства, то на ней, – сказал мнимый отец Ольги.

Ольге велит барыня идти в переднюю. И Ольга выходит в переднюю. Прослезившись, и Андреян вышел. Вот окружают Ольгу новые подруги. Называют ее также *милой*, приглашают обедать на кухне.

– Благодарю вас, я не хочу обедать, – отвечает им Ольга. Ее самолюбие начинало страдать, но судьба посвятила ее уже в новое состояние, и должно довольствоваться своей судьбой и этим новым состоянием, на каждом шагу сбавлять с себя цены, зажимать уста ропщущему сердцу, вытравлять зародыш каждо-

го желая, слепнуть, глохнуть, неметь перед всем, что соблазняет чувства, тушить зарю каждой надежды и, довольствуясь недостатками и нуждами, принести себя добровольно на жертву ничтожеству.

С участью нет тяжбы. Предавшись участи своей, можно жить и в людской; оглашенные изгоняются из храма не за преступление: можно молиться и на паперти. Но тяжело жить между враждующими, тяжело молиться посреди соблазнов. Можно знать свою обязанность, не отступать от нее, но трудно исполнять обязанности посреди хаоса; посреди хищных животных не место агнцу. Так и Ольга в первый день грустного новоселья своего испытала все, что убивает мир души. Толпа новых подруг ее учит уже ее всем ухищрениям нового быта, рассказывает ей подробно всю домашнюю подноготную, все отношения господ своих к городу, к семье и к двору, все события, которые могут поселить ненависть к ним, все недостатки их и слабости, которыми можно пользоваться.

Ольга поневоле слушает, что говорится в четырех стенах, где судьба бросила ей войлок вместо ложа. Ольга молчит, смиренно покорствуя воле госпожи своей, другой день нейдет на зов к обеду. «Барышня!» – шепчут про себя ее товарки. И вот чрез несколько дней барыне уже пересказано, что Ольга белоручка, ни за что не примется, не идет на кухню обедать, хо-

чет, чтобы ей носили обедать на девичью.

– Я тебя, сударыня, не в компаньонки наняла, чтоб за тобой ухаживали служанки! Для тебя особенного стола не будет! Прошу обедать вместе с прочими, на кухне!

Ольга покоряется. Ее усаживают за стол. Подле нее нет Андреяна, ее покровителя: он сторожем в загородном саду. Она краснеет посреди толпы дворни.

– Кушайте, Ольга Андреевна, – говорит ей сосед ее, и Ольга вскрикнула, вскочила с ужасом из-за стола, бежит вон: грубая рука прикоснулась к ее плечу.

Проходит еще несколько дней. Ольга изнемогает от слез, которые льет она во время бессонных ночей. Она питается только черным хлебом.

«Нет, – думает она, – я пойду просить милостыню посреди дороги! Не останусь здесь!» – С нетерпением ждет она Андреяна, который через день навещает ее, но несколько дней Андреян уже не является; Ольга в отчаянии.

Вдруг призывает ее к себе исправник.

– Милая моя, – говорит он ей, – отца твоего взяли в полицию; я поверил старому служивому, а он обманул меня: городничий получил уведомление, что отец твой скрылся без паспорта от господина своего и снес разные вещи...

Ольга, пораженная этой новостью, оцепенела.

– Нет, это неправда! – вскричала она. – Он ничего не взял чужого!.. Я порука за него!

Слезы брызнули из глаз Ольги, а лицо после мгновенной вспышки ужаса помертвело.

– Поручительство дочери, милая, не поможет.

– Спасите его! спасите! – произнесла она трепещущим голосом, скрестив руки на груди и устремив полный слез взгляд на исправника. Она поразила его этим взглядом, он с удивлением и с жалостью смотрел на Ольгу.

– Послушай, друг мой, – сказал он ей, – в подобном случае никто не может спасти отца твоего, кроме его господина; его только можешь ты просить, и он только может дать другой оборот этому делу. Я читал бумагу, доказательства явны: шесть лет нанимался он у него и вдруг, оставив паспорт, без аттестата, скрылся. Что ж это значит?

– Он не виноват, не виноват; я знаю, что это значит... – вскричала Ольга.

– Так ступай и объясни в полиции, оправдай своего отца.

– Оправдать! – произнесла Ольга, не изменяя своего положения. Слезы ее вдруг остановились.

– Впрочем, милая, – продолжал исправник, – тебе не поверят; городничий и тебя задержит. Лучше последуй моему совету: торопись скорее к барину и про-

си за отца.

– Пойду, – произнесла Ольга, закрыв лицо руками, – пойду! Я хочу его видеть... я его погубила! – И она выбежала из комнаты.

– Бедная девушка, – сказал исправник, провожая ее глазами, – она не похожа на солдатскую дочь.

– Что же ты нашел благородного в ее слезах? – спесиво произнесла исправница.

– Я тебе растолковать не умею, – отвечал он, – но, по крайней мере, за две недели службы ее у нас надо ей что-нибудь дать... У ней нет никакого вида.

– Да, – произнесла исправница колко, – но у нее приятная наружность и очень много благородства: она гнушалась даже садиться за стол с дворовыми людьми...

– Послушай, – сказал исправник посыльному, – ступай и вороти Ольгу ко мне.

Между тем как посыльный собирался отыскивать Ольгу, она прибежала к полицейскому дому.

– Скажи мне, где содержится Андреян... солдат? – спросила она у полицейского инвалида.

– Солдат? беглый?

– Да... – произнесла шепотом Ольга.

– Эге!.. Далеко он теперь: еще поутру отправили всех беглых в губернский город.

– Боже! – вскрикнула Ольга, всплеснув руками и об-

ратив взор на небо.

Слезы копились и вдруг хлынули двумя потоками по бледному ее лицу.

– Что ж ты, сударыня, плачешь? а? Слезами не воротишь милого дружка.

И полицейский солдат хотел взять ее за руку, приласкать... Ольга вздрогнула, бросилась от него... Как потерянная идет она по улице.

– Где почта? – спрашивает она у проходящих и бегом торопится к почтовому двору.

На почтовом дворе звенят колокольчики, ямщики запрягают и отпрягают лошадей. Ольга бросается к толпе их.

– Мне нужно нанять лошадей, – говорит она.

– Куда, голубушка?

– В село Р..... Только поскорее.

– Скоро ты больно! Аль по курьерской надобности?.. Изволь, я наймусь. Барыня, что ль, какая едет?

– Нет, я... я одна...

– Большая поклажа?

– Никакой!.. Довези меня, добрый человек, я отдам тебе все, что имею...

– Двадцать рублей дашь, так поеду.

– Возьми золотой мой крест, он стоит двадцать рублей, только вези меня скорее.

И Ольга сняла с шеи крест, отдала его в руки ямщи-

ку. Удивленная толпа окружила ее.

– Что, ребята, везти или нет?

Ямщики задумались.

– Да она, может, какая бегляшка?

– Где ж ямщик? – вскричал офицер, выходя с станции и садясь на повозку.

– Сейчас, ваше благородие.

– Что там такое?

– Да вот, Бог весть, какая-то девушка нанимает везти ее, а заплатить нечем: доведи ее за крест золотой; мы и подсумнились: верно, беглая...

– Стой!

Офицер соскочил с повозки, подошел к Ольге, которую окружили ямщики.

– Пустите меня! – кричала она, пробиваясь сквозь толпу.

– Полно! Сказывай, чья ты?

– Прочь! – вскричал офицер, растолкнув толпу. – Что тебе нужно, милая?

– О, защитите меня! – повторила Ольга жалостным голосом.

– Не бойся, милая, тебя никто не обидит!.. Что тебе нужно, мой друг?

– Ничего не нужно мне!..

– Ты нанимала лошадей? тебе нечем было заплатить?

– Вот крест отдает, ваше благородие; только, говорит, довези до села Р.....

– До села Р.....? – повторил офицер с удивлением. – В село Р..... миленькая?

– Ах, да... Мне нужно туда скорее... я просила их...

– До села Р..... я довезу тебя даром; мне по дороге... Садись со мной и будь спокойна... Где твоя поклажа?

– Благодарю вас!.. – произнесла Ольга, взглянув на офицера недоверчиво, но взором, полным слез.

– Не бойся меня, мой друг... Где же твоя поклажа?

– У меня ничего нет.

– Крестик-то свой возьми, голубушка, назад. Офицер с жалостию смотрел на Ольгу; черты ее лица и красота поразили его; он помог ей сесть в повозку подле себя, велел ехать. Лошади двинули с места, понеслись, колокольчик зазвенел.

Придерживаясь одною рукою за тряскую повозку, а другою прикрыв лицо, Ольга молчала. Офицер продолжал рассматривать ее. Любопытство узнать, кто она и для чего едет в село Р..... томило его. Наконец он не вытерпел, прервал молчание:

– Можно знать мне, миленькая, причину, которая заставляет тебя торопиться в село Р.....?

– Я не могу этого никому сказать, – отвечала Ольга.

– На мою скромность ты можешь положиться; мо-

жет быть, какое-нибудь несчастье... Я желал бы подать помощь.

– О, если б вы знали, сколько я уже вам обязана, – отвечала Ольга. Взгляд Ольги и голос, каким она произнесла эти слова, еще более убедили офицера, что Ольга не из низкого состояния.

– Подобную помощь я мог подать всякому, но для вас я хотел быть более полезным, – продолжал он. – Скажите мне причину слез ваших... Я заметил, что они и при исполненном вашем желании не перестают течь...

– Не могу! – отвечала Ольга.

Решительный ответ прервал слова офицера, но он не сводил глаз с Ольги.

Две станции проехали; от последней село Р..... только в двух верстах.

– В село Р..... – сказал офицер ямщику,

– О, благодарю вас! я дойду пешком отсюда.

– Я взялся довести вас до села Р..... и доведу; при том же и моя дорога лежит через это село... Прикажете ехать в дом помещика?..

– Ах нет! – вскрикнула Ольга с ужасом. – Нет! Я остановлюсь на постоялом дворе.

Это восклицание, казалось, удивило офицера:

– У вас есть там родные?

– Нет! – отвечала Ольга, глубоко вздохнув.

– К кому же вы едете? – продолжал настойчиво офицер.

– Я имею просьбу к помещику...

– Так он вам знаком?

Ольга вспыхнула.

Офицер это заметил.

– Да, я его видала... – отвечала она, стараясь скрыть смущение.

Вот лошади примчались к постоялому двору. Офицер помог Ольге сойти с повозки.

– Благодарю вас! – произнесла Ольга, взяв за руку офицера. – Благодарю вас! – повторила она и, накинув платок на лицо, хотела идти.

– Позвольте же мне оказать вам последнюю услугу: я распоряжусь, чтоб вам дали приличную комнату; здесь люди грубы... – И офицер шепнул денщику на ухо: – Не говори здесь, кто я! Слышишь?

– Слушаю-с, – отвечал денщик.

Когда услужливая хозяйка показала Ольге маленькую комнату, она снова распростилась с офицером, и молодой человек поневоле должен был ее оставить; но, кинув последний взор на ее болезненное лицо, – нет, – подумал он, – я шагу не сделаю отсюда, покуда не узнаю, кто она и зачем здесь!

Заняв комнату рядом, он призвал хозяйку.

– Послушай, милая, – сказал он ей, – что бы ни

потребовала девушка, приехавшая со мной, я за все плачу вперед.

И он отдал хозяйке несколько червонцев.

– Я спрашивала ее, сударь, да ничего, вишь, не хочет; потребовала только пера да бумаги, а у меня на горе нет: хоть к писарю беги; разве вы изволите дать, да уж кстати и сургучику.

«Она пишет!» – подумал офицер. – Хорошо, я дам бумаги...

Он велел внести шкатулку свою.

– Она, верно, посылает записку в двор?

– Да уж вестимо, – сказала хозяйка, выходя.

– Послушай, милая: когда будешь посылать записку, то уведошь меня; кстати и мне нужно послать к помещику...

– Хорошо, сударь, хорошо.

Офицер с нетерпением ждал посыльного. Вскоре хозяйка привела с собой мальчика...

– Вот, сударь, он снесет записочки ваши.

– Пусть же он подождет здесь; я сейчас напишу.

Хозяйка вышла.

– Куда же ты дел записку, которую тебе поручили отнести? – спросил вдруг офицер мальчика.

– Да вот, – произнес испуганный мальчик, вынимая из-за пазухи завернутое в платок письмо.

– Покажи сюда! – И он взял письмо, сложенное за-

пиской, взглянул на надпись: написано по-французски «A monsieur d'A...».

– Она, вишь, не велела никому отдавать, кроме барина.

– Неси скорее, да смотри, отдать в руки самому барину...

Мальчик ушел.

Беспокойно ходил офицер по комнате и, часто подходя к запертой двери, которая вела в покой Ольги, прислушивался. Все было тихо, только иногда приходила хозяйка с предложением, не прикажет ли Ольга что-нибудь покушать. Один ответ: нет. Наскучив ожиданием, офицер вышел проходиться, пошел по направлению к роще, которая прилегала к помещицкому саду.

Вскоре возвратился посланный Ольги, отдал ей ответ.

– Боже! – вскрикнула она, развернув записку. – Этот человек хочет моей смерти!..

Голова Ольги склонилась на руки, слез не было в очах ее: она уже выплакала их; и к чему слезы – эти родники несчастного сердца, когда они уже не могут ни утолить болезненной жажды, ни утушить огня, сжигающего внутренность?

Бедная! у ней нет друга, которому она могла бы сказать хоть «прости!» Нет друга, который спросил бы ее:

«Куда ты идешь, Ольга?»

Уже смеркалось; офицер возвращался домой. Подходя по тропинке рощей, вдруг заметил он Ольгу: она пробиралась опушкой к ограде сада. Скрываясь от нее, он шел за ней следом.

Она села под густой липой на дерновой скамье и закрыла лицо руками.

Не прошло нескольких минут – вдали скрипнула садовая калитка; вышел мужчина в плаще, осмотрел вокруг себя и пошел прямо к роще. Он приближался к липе. Его шаги вывели Ольгу из онемения; она сжала руки, с ужасом взглянула на неизвестного, которого глаза, казалось, загорелись, увидев ее.

– А, Ольга, ты думала уйти от меня, – произнес он со злобной улыбкой, подходя к ней и намереваясь сесть подле нее на дерновой скамье. Но Ольга упала перед ним на колени, с умоляющим взором сложила накрест руки, хотела говорить и не могла произнести ни слова.

Неизвестный взял ее за руку. Она отдернула руку.

– Пощадите бедного старика!.. – произнесла она наконец задыхающимся голосом.

– Изволь, мой друг, я для тебя все сделаю, Ольга...

– Клянись мне, клянись, что вы избавите его и дадите ему приют по смерти...

– Клянусь тебе, Ольга, клянусь! – И он схватил сно-

ва руку ее, но снова она отдернула.

– Еще одна просьба... – И Ольга бросилась в ноги к нему: – Пощадите меня!

Неизвестный, не отвечая ни слова, обхватил Ольгу, но она была уже без чувств, тяжела, как камень.

– Отец!! – раздался вдруг голос подле.

Ольга выпала из рук неизвестного.

– Отец! – повторил офицер и, бросившись к беспмятной Ольге, он схватил ее на руки и исчез в завороте тропинки, ведущей к селу.

Бедная, кто узнает, что у нее на сердце? Она молчит, молчание ее так уныло, сердце ее так сжато. Что сделала она худого, что вышла замуж, что муж любит ее более себя, что она любит мужа более себя? За что ж совесть ее упрекает, а люди говорят про нее недоброе? Люди говорят, что она свела запрещенные связи с молодым человеком, сыном своих благодетелей, бежала с ним из дома, что через нее лишен он наследства...

– Ольга, о чем ты грустишь? Признайся мне, у тебя что-то лежит на душе? Любовь не таит сердца... – сказал однажды ей муж.

У Ольги полились из глаз слезы.

– Признайся, друг мой! – повторил он.

– Мое признание не поможет, – отвечала Ольга, –

но я должна тебе сказать... Если б я знала, что ты сын его, я бы не вышла за тебя замуж; но ты скрыл от меня... и... твоё благодеяние лишило тебя наследства и любви отцовской, а меня спокойствия. Я буду несчастной причиной будущего твоего раскаяния...

– Ольга, Ольга! Если бы твои благодетели назвали тебя своей дочерью и, по капризу на родных, вздумали тебя сделать наследницей своего богатства, захотела ли ты пользоваться этим счастьем?

– Нет, оно чужое.

И мне чужое все в доме их; я был прививное дерево, носил не своё имя; с малолетства взяли они и меня, как тебя, на воспитание и отдали в корпус; я, может быть, не узнал бы этого никогда, если б, к счастью, наш общий благодетель в гневе не уведомил меня сам. Ольга, меня хотели лишиться отцовского имени! Я его не променял бы никогда на мнимое право владеть чужим богатством и благодарю судьбу, что тайна раскрылась прежде, нежели совершилась несправедливость. Может быть, я уронил бы чужое имя, может быть, чужое наследие жгло бы тайно, мучило мою душу... Может быть, я бы пал под чужой ношей. Нет! – малое своё дороже, вернее незнакомого величия.

Ольга обняла мужа своего.

– Мы равны и несчастьем своим, – сказала она. В это мгновение раздался в другой комнате голос:

– Где моя барышня, Ольга Владимировна? Пустите меня взглянуть на нее...

– Андрейн! – вскричала Ольга, выбегая из комнаты. Старик стоял в дверях... Ольга обняла его со слезами радости.

– Тебя освободили, Андрейн?

– Да что ж бы они сделали правому? – гордо спросил Андрейн.

Примечания редакции

В текст вносились обоснованные исправления. В процессе приведения его в соответствие с современными нормами правописания оставлялись без изменения некоторые орфографические архаизмы и авторские неологизмы (напр.: *тротоар, туалет, сурок, фасинабельный, скрипка*), отражающие литературные и разговорные особенности и атмосферу эпохи. В то же время исправлялось такое написание, как *карьерера, литература* и пр. В тех случаях, когда авторская пунктуация не искажала, не делала неясным смысл высказывания или не противоречила современным правилам, она не изменялась.

Рассказ был впервые напечатан в журнале «Московский наблюдатель» (1837, ч. XI) под псевдонимом «А. В.» и вошел в сборник «Повести» (1843).

Апеллес – древнегреческий живописец 2-й половины IV в. до н. э. Особенно знаменитой была его картина «Афродита, выходящая из моря». Произведения художника не сохранились.

Шива – бог индийской мифологии, олицетворение разрушительного начала.

Галлия – древнее название Франции.

Гиперборейский край – северная страна в мифах древних греков и других народов.